

СВѢДѢНІЯ ОБЪ АРХИМАНДРИТѢ ФОТІИ, СОБРАННЫЯ НА МѢСТѢ ЕГО
РОЖДЕНІЯ, ВЪ СЕЛѢ ЯМЪ-ТЕСОВѢ, НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ И
УѢЗДА.

АРХИМАНДРИТѢ Фотій, по метрической записи, сынъ дьячка Спасскаго погоста Никиты Ѳедорова, родился 6-го іюня 1792 года и при крещеніи названъ Петромъ. Отецъ его по малочисленности прихода, собственной безпечности и пристрастію къ спиртнымъ напиткамъ, жилъ очень бѣдно. Впрочемъ, не смотря на его нравственныя недостатки, онъ потомъ былъ посвященъ въ дьяконы къ той же церкви. Будучи дьякономъ, онъ овдовѣлъ и захотѣлъ вступить во второй бракъ, а такъ какъ дьякону это запрещается, то онъ снялъ съ себя дьяконскій санъ и женился вторично. Такимъ образомъ, Фотій родился и выросъ въ бѣдности, въ малолѣтствѣ лишился матери, а въ жизни отца не могъ видѣть примѣра достойнаго подражанія. Съ раннихъ лѣтъ въ немъ была замѣтна склонность къ уединенію и размышленію. Онъ чуждался своихъ сверстниковъ и не любилъ предаваться дѣтскимъ играмъ и развлеченіямъ. Когда онъ обучался въ семинаріи, то отецъ его отъ пожара лишился своего дома и долгое время не могъ обзавестись собственнымъ кровомъ, такъ что Фотій, приходя изъ семинаріи на родину, иногда не зналъ, гдѣ и ночь провести. Въ это время одинъ изъ ближайшихъ помѣщиковъ, предводитель дворянства Петръ Ивановичъ Балле, изъ состраданія пригласилъ Фотія въ свой домъ, гдѣ онъ и жилъ лѣтніе каникулы.

Здѣсь онъ обучалъ дѣтей помѣщика преимущественно Закону Божію и ни чуть не былъ похожъ на обыкновеннаго молодого чело-
вѣка: былъ крайне скромнѣнъ, молчаливъ, никогда не входилъ въ

молодое общество, ѣлъ рѣдко, умѣренно и то только пищу постную. Любимое его блюдо было овсяный супъ, и тотъ безъ соли. Когда хозяинъ дома говорилъ Фотію, что у него супъ безъ соли, онъ отвѣчалъ: «Если посолить, то много съѣмъ». Въ свободное отъ занятій время, Фотій читалъ богослужебныя книги, не пропускалъ ни одной церковной службы и на клиросѣ помогалъ читать и пѣть. Когда обѣдня начиналась не сряду послѣ утрени, Фотій не выходилъ изъ церкви и иногда священникъ, приходя въ церковь, находилъ его спящимъ. Единственное развлеченіе Фотія состояло въ томъ, что въ протекающей мимо рѣчкѣ онъ удилъ рыбу. Впослѣдствіи, бывши архимандритомъ сначала въ Сковородскомъ монастырѣ, а потомъ въ Юрьевскомъ, Фотій повелъ жизнь пустынника: носилъ на голомъ тѣлѣ колючую волосяную рубашку и вериги. Хитонъ на немъ былъ изъ простой матеріи, пища самая простая и чрезвычайно умѣренная; вмѣсто чаю, онъ пилъ липовый цвѣтъ съ медомъ, а въ великій постъ обѣдалъ всего семь разъ и ѣлъ одинъ крупяный супъ; ни съ кѣмъ не разговаривалъ, а если приходилось распорядиться по хозяйству, то онъ писалъ эти распоряженія на бумагѣ и, затѣмъ, передавалъ ихъ кому слѣдуетъ. Праздности не терпѣлъ и посылалъ на покосы не только монастырскихъ работниковъ и послушниковъ, но іеромонаховъ и іеродіаконовъ, а самъ наблюдалъ за ихъ работою. Пьянство тоже было для него невыносимо. По ночамъ онъ ходилъ по монастырю, заглядывалъ въ кельи монаховъ и если заставалъ ихъ за чтеніемъ книгъ, то оставался этимъ доволенъ, если же монахи пили чай, то разбивалъ всю посуду, а монаховъ наказывалъ. Послѣ осмотра келій, отправлялся нерѣдко за монастырскую ограду и тамъ блуждалъ всю ночь. Разъ, при такомъ осмотрѣ, онъ нашелъ монаха, который хотѣлъ перелѣзть черезъ стѣну по водосточной трубѣ, но труба обломилась и монахъ сломалъ себѣ ногу. Фотій сейчасъ же велѣлъ перенести больного въ сторожку, а на утро отправилъ его за ограду въ одну избушку, гдѣ за нимъ былъ назначенъ самый тщательный уходъ. «За монастыремъ я его нашелъ, за монастыремъ пусть же онъ поправляется»,—сказалъ Фотій. Монахъ поправился и былъ принятъ въ монастырь, но съ наложеніемъ на него строгой эпитиміи. Монахи въ Юрьевѣ монастырѣ до Фотія были очень распущены: ходили по ночамъ въ деревню, пьянствовали, пѣли пѣсни и, вообще, вели себя неприлично. Но со времени поступленія архимандритомъ Фотія, имъ уже не было прежней свободы. Фотій сажалъ пьяныхъ въ карцеръ, гдѣ приказывалъ ихъ наказывать метлами. Имѣя прекрасный теноръ, онъ завелъ у себя такой отличный хоръ, какого не было даже у архіерея. Мальчиковъ въ этотъ хоръ графиня Орлова присылала изъ своего имѣнія, гдѣ ихъ обучали пѣнію опытные регенты. Фотій служилъ часто въ соборѣ св. Георгія, чуть ли не каждый день и—съ царственною пышностью. Самъ посѣщалъ всѣ

службы и требовалъ того же отъ братіи. Однажды онъ пришелъ къ утрени и увидѣлъ въ церкви только однихъ служащихъ, изъ молящихся же не было никого, и на клиросѣ былъ только одинъ чтецъ. По окончаніи службы Фотій приказалъ въ трапезѣ на сей день ничего не готовить, а братію посылать на архимандритскую кухню. Братія отправляется послѣ обѣдни въ трапезу и находитъ двери ея запертыми. Ихъ посылаютъ къ архимандриту, и тамъ ничего нѣтъ; такъ цѣлый день имъ не давали ничего ѣсть, кромѣ тѣхъ, которые были на утренней службѣ. Фотій былъ и хорошимъ хозяиномъ. Такъ по его распоряженію насажена возлѣ Юрьевского монастыря роща и выкопанъ прудъ, которые до сихъ поръ служатъ его украшеніемъ. Фотій щедро надѣлялъ бѣдныхъ милостыней, особенно своихъ земляковъ. Этимъ пользовались корыстолюбцы и стали приходять къ нему за милостынею, называясь его земляками. Узнавши объ этомъ, онъ прекратилъ свои щедрыя подаванія. Келейникомъ у Фотія былъ старецъ Симеонъ, такой же молчаливый какъ и онъ самъ. Послѣ его смерти, Симеонъ далъ обѣтъ молчать три года. Разъ крестьяне деревни Яма, въ полночь, услышали колокольный звонъ, и когда они пошли въ церковь узнать причину такого необычайнаго звона, то увидѣли церковь освѣщенною, какъ въ Христову заутреню и изъ нея доносилось до нихъ прекрасное пѣніе. Оказалось, что это на свою родину пріѣхалъ Фотій съ братією и своими пѣвчими. На утро крестьяне стали просить Фотія объ устройствѣ каменной церкви, такъ какъ до сего времени существовала деревянная, да и та уже ветхая. И, дѣйствительно, Фотій построилъ имъ на свои средства каменный храмъ, а для священника каменный домъ. Храмъ этотъ во имя Спасителя былъ освященъ самимъ Фотіемъ 1835 году. Здѣсь къ Фотію—между другими—подвели молодого парня, у котораго сильно болѣли глаза. Фотій благословилъ и спросилъ больного:—«Хочешь ли жить въ монастырѣ»? Тотъ изъявилъ свое согласіе.—«Ну, такъ приходи ко мнѣ»,—сказалъ Фотій. Больной скоро поправился и прибылъ съ отцомъ своимъ въ Юрьевъ монастырь. Здѣсь въ кельѣ Фотій принялъ ихъ ласково и далъ парню большую просфору, приказывая отламывать по маленькому кусочку и при чтеніи «Богородице» съѣдать, а самъ вышелъ. Парень всталъ на колѣни и началъ ѣсть просвиру. «Мнѣ, рассказывалъ онъ, и надобно уже ѣсть по маленькому куску, я и давай уписывать просфору большими кусками; какъ вдругъ во рту что-то зазвенѣло, — гляжу — золотой». Фотій вошелъ, я и говорю ему: «Ваше высокопреподобіе! я въ просфорѣ нашелъ золотой.—«Это тебѣ Богородица дала»,—говоритъ Фотій,—«что же ты съ нимъ будешь дѣлать»?—«Да что прикажете ваше высокопреподобіе».—«Ну такъ отошли его матери. А съ кѣмъ же ты его пошлешь»?—«Да съ отцемъ, ваше высокопреподобіе, больше не съ кѣмъ, а впрочемъ, какъ прикажете».—«Нѣтъ, нѣтъ,—пошли

его съ отцомъ». — «На прощаніе Фотій далъ отцу еще золотой и просфору, которую велѣлъ передать матери. Я же остался при монастырѣ». Обстановка кельи Фотія была скромная, но нельзя сказать чтобы очень бѣдная. Онъ часто уединялся на молитву, но неизвѣсто куда и только послѣ его смерти нашли въ его кельѣ потайной ходъ, который велъ въ подземелье, гдѣ горѣла лампада передъ образомъ, и гдѣ Фотій завѣщалъ похоронить себя. Теперь на томъ мѣстѣ, по его же завѣщанію, устроена церковь. Родину свою Фотій никогда не забывалъ и, уже бывши архимандритомъ и имѣя большой вѣсъ въ обществѣ, много помогалъ и покровительствовалъ бывшему своему благодѣтелю, помѣщику Балле. Такъ какъ помѣщикъ этотъ былъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, то Фотій обращалъ вниманіе и на его духовную сторону и обратилъ его въ православіе. Всѣ крестьяне-прихожане Спасскаго погоста, во всякое время находили у Фотія помощь и радушный пріютъ. Въ концѣ своей жизни, Фотій былъ принужденъ слезъ въ постель. Болѣзнь его страшно изнурила. Графиня Орлова и генеральша Веригина почти день и ночь дежурили при одрѣ умирающаго. Въ средокрестную недѣлю Фотію было особенно тяжело. Увидѣвъ Веригину и Орлову, онъ спросилъ, что имъ здѣсь нужно? — «Мы хотимъ дождаться вашего послѣдняго часа». — «Не дождаться вамъ его», и затѣмъ, помолчавъ немного, прибавилъ: «я умру тогда, когда въ колоколъ мѣдъ впустятъ». На той же недѣлѣ съ субботы на воскресенье въ полночь монахи, изготовлявшіе новый колоколъ, впустили растопленную мѣдъ ровно въ 12 часовъ ночи и въ тотъ же мигъ раздался протяжный унылый звонъ самаго большого монастырскаго колокола. Братія тотчасъ же поняла, что архимандритъ Фотій отдалъ душу Богу. Когда хотѣли снять съ тѣла почившаго вериги, то это оказалось невозможнымъ, потому что они какъ бы вросли въ тѣло. Двѣ недѣли тѣло Фотія не предавалось погребенію, такъ какъ архіерей былъ въ отъѣздѣ и окружающіе гробъ почившаго дожидали прибытія владыки. Во все это время тѣло Фотія не издавало никакого запаха. По пріѣздѣ архіерея, Фотій былъ погребенъ съ подобающей торжественностью. Его три раза обносили вокругъ монастыря, останавливаясь у каждой стороны свѣта для совершенія литіи. На родинѣ о немъ сохранились самыя отрадныя воспоминанія. Имя Фотія произносится прихожанами Спасскаго погоста съ какимъ-то благоговѣніемъ. Во всемъ приходѣ нѣтъ ни одного поминанія, подаваемого въ церковь, въ которомъ на первомъ мѣстѣ не былъ бы записанъ священно-архимандритъ Фотій.

И. Можайскій.

